

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1974.3.07>

Л. КЯХРИК

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И ФУНКЦИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

В комплексе проблем, связанных с управлением и регулированием социальных процессов, важное место занимает нормативное регулирование социальных отношений, поведения людей. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии подчеркивалось, что «даже самая передовая идеология становится реальной силой только тогда, когда овладевая массами, она побуждает их к активным действиям, определяет нормы их повседневного поведения».¹

В последние годы в советской социологической и философской литературе появился ряд работ, посвященных изучению социальных норм.² Однако до сих пор вопросы, связанные со структурой нормы (за исключением правовой) и ее функций, не служили предметом специального анализа. Важность этой проблемы состоит в том, что, во-первых, выявление структуры и функции норм позволяет глубже исследовать процесс нормативного регулирования социальными отношениями в обществе; во-вторых, в результате расчленения нормы на структурные компоненты появляется возможность конкретного анализа места и роли каждого компонента в детерминации поведения и в проявлениях функций норм. Круг вопросов, связанных с исследованием структуры и функции норм, будет предметом анализа в данной статье.

Прежде всего необходимо уточнить предмет исследования. В нормативную систему общества входят различные типы норм: технические правила грамматики, логики и т. д., а также нормы, именуемые социальными. Разумеется, все существующие в обществе нормы социальны в широком смысле слова, так как несут на себе атрибут социальности. Других нет. В узком же смысле понятие социальная норма включает только те нормы, которые регулируют социально значимые, повторяющиеся взаимодействия людей, иными словами — их социальные отношения. Если принять во внимание характер связи нормы и действия (поведения), то в рамках последней группы норм можно выделить две подгруппы. В одном случае нормы совпадают с поведением, не отделены от последнего в качестве фиксированных в общественном сознании предписаний; они включаются лишь в социальную память³ — образование более широкое, чем знания, в данном случае знания о нормах. Аналогичная ситуация имеет место с осознанием,

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 83.

² См. Е. М. Пеньков, Социальные нормы — регуляторы поведения личности. «Философские науки», 1968, № 6; Е. М. Пеньков, Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972; В. Момов, Норма и мотив поведения. «Вопросы философии», 1972, № 8; С. К. Мурзалин, К вопросу о природе социальных норм. «Общественные науки» (Алма-Ата), 1972, вып. 17; Ю. А. Емельянов, Социологические аспекты социальной нормы. В кн.: Вопросы философии и социологии. Л., 1972; В. И. Куценко, Социальная задача как категория исторического материализма. Киев, 1972, гл. II, § 1.

³ О специфике социальной памяти см. J. Rebane, Tunnetuse ühiskondlikust iseloomust. Tallinn, 1967, lk. 57—67.
Я. Ребане, О комплексном изучении социальной детерминации познания. В сб.: Социальная природа познания. М., 1973, вып. 1.

знанием логических и грамматических правил, управляющих мышлением и речью, о существовании которых человек может и не знать. Поведение, регулируемое такими нормами, протекает вне сознания, привычно, автоматически. Нормативность такого уровня поведения выявляется лишь *post factum*, т. е. в случае отклонения от него, после чего обычно указывается, что «так не делают» или «делают так», а само необходимое поведение выступает как «нормальное», «естественное». Такие формы поведения, являющиеся результатом многократного повторения, а также долгого исторического развития, Л. С. Выгодский назвал «окаменелостями поведения».⁴ Процесс «опривычивания» форм поведения (слияние норм с поведением) происходит постоянно, т. е. и в наше время. О том, что при коммунизме простые нормы нравственности превращаются в привычку, писал В. И. Ленин.⁵

В другом случае норма и действия отделены друг от друга. Норма фиксируется в общественном сознании, закрепляется в различных его формах, ее выполнение обеспечивается различными социальными институтами. Представляется, что есть две основные причины отделения нормы от деятельности. Во-первых, когда социальные противоречия обуславливают расхождение интересов человека и группы, человека и класса, группы и общества и т. д., вследствие чего противоречивы и способы удовлетворения этих интересов. Далее, марксизмом установлено, что люди осознают как конфликт между производительными силами и производственными отношениями, так и другие социальные противоречия в «юридических, политических, религиозных, художественных или философских» формах общественного сознания и в них ведут борьбу за их решение.⁶ Следовательно, эти противоречия отражаются и в соответствующих нормах или иначе — нормы являются признаком существования противоречий и формой их «снятия», но не их исключением, так как последнее предполагает перестройку социальных отношений. Для того чтобы нормы могли «снять» эти противоречия, необходимо подчинить индивидуальную, групповую волю классовой, общественной, а последнее достигается путем формулировки и санкционирования нормативных предписаний.

Чтобы найти вторую причину отделения нормы от действий, необходимо кратко рассмотреть способы управления и регулирования в социальной организации. Общество — это специфический тип организации, в которой организованность, упорядоченные деятельности происходят в двух основных формах: социальной самоорганизации и социальной формализации⁷ (лучше сказать — институционализации). Первая присуща всем историческим типам общества и осуществляется «спонтанно, независимо от специальных задач и целей»⁸, будучи стихийной, она может носить лишь приспособительный характер.⁹ Именно на этом уровне социальной организации выработано большинство норм, моральных и иных, являющихся средством приспособления людей к результатам собственной деятельности.

С развитием разделения труда, появлением классов у общества возникает потребность в институционализации управления и регулирования социальными процессами. Социальная организованность формируется здесь «как результат сознательно (разряда наша — Л. К.) заданных определенных образцов социального поведения, структуры и норм отношений».¹⁰ Часть выработанных стихийно норм формализуется (кодификация норм морали в праве). Для нас же важно, что другая часть норм создается

⁴ Л. С. Выготский, Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 137.

⁵ В. И. Ленин, Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 102.

⁶ К. Маркс, К критике политической экономии. Предисловие. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.

⁷ См. А. И. Пригожин, Соотношение формализации и самоорганизации в социальных системах. М., 1970; А. И. Пригожин, В. И. Ленин о социально-психологических аспектах управления. «Вопросы философии», 1970, № 2.

⁸ А. И. Пригожин, Соотношение формализации и самоорганизации... Там же, стр. 1, 2.

⁹ См. Т. В. Керимова, Методологические предпосылки исследования социального управления. «Вопросы философии», 1972, № 1, стр. 53.

¹⁰ А. И. Пригожин, Соотношение формализации и самоорганизации в социальных системах, стр. 2.

сознательно, рационально и предназначена для решения специфических запланированных задач, стоящих перед обществом и его подорганизациями. Нормы здесь выполняют роль «социального конструирования», т. е. они должны быть сформулированы до практической деятельности, так как служат для управления последней. Исторически как планомерное управление обществом в целом, так и сознательное нормотворчество в частности приобретает свое действительное значение только при социализме.

Итак, из всей совокупности рассмотренных норм, функционирующих отдельно от действий, выработанных на уровнях социальной самоорганизации и институционализации, а также норм традиционного, привычного уровня поведения, предметом дальнейшего исследования будут только первые два типа. Это нормы, отраженные в общественном сознании и сформулированные в виде предписаний, наиболее часто повторяющиеся, необходимые с точки зрения общности формы связи в социальных отношениях и во взаимодействиях индивидов и групп. Что же касается норм традиционного уровня поведения (нормативный статус их не отрицается), специфический способ их функционирования — привычно, помимо, вне сознания — по-видимому, детерминирует изменения в их структуре и функциях. Например, они не могут выполнять таких важных функций норм, как функции мотива и «социального конструирования», ибо последние предполагают осознанность, знание самих норм. Поэтому нормы традиционного уровня предполагают необходимость специального, самостоятельного исследования, а главное — следует еще выявить, открыть их «грамматику».

Одна из структур нормы разработана в теории права как состоящая из трех элементов: гипотезы, диспозиции, санкции. Первая устанавливает условия применения нормы, вторая определяет дозволенное или не дозволенное поведение, и, наконец, санкции указывают на невыгодные последствия, применяемые в случае невыполнения нормы.¹¹ Следует отметить, что данная структура присуща прежде всего правовым нормам. В частности, это касается гипотезы и санкций, так как правовое регулирование предполагает строгую и четкую спецификацию содержания нормы в зависимости от условий ее применения, а также детализацию санкций в зависимости от конкретной ситуации. Но право закрепляет лишь часть социальных норм. Остальные, неправовые нормы нередко вообще не содержат такого четко определенного элемента, как гипотеза, а санкции в них качественно иные. Для выявления специфики последних обратимся к нормам, функционирующим на уровне обыденного сознания. Применительно к этим нормам прежде всего следует отметить: нормы, наиболее важные для функционирования общества, кодифицируются в праве¹² и служат одновременно нормам морали, могут принимать форму религиозных наставлений, а также с помощью специфических средств моделируются в искусстве. Например, такие важные нормы, как «будь честным», «не убей», «не воруй» и т. д., закреплены в указанных формах общественного сознания и институтов права. При этом санкции права основываются на силе государства, моральные санкции сводятся к внутренним регуляторам, например совести, специфика религиозных санкций проявляется в соотношении их в религиозном сознании с требованиями сверхъестественной силы; искусство моделирует нормативное или отклоняющееся поведение с точки зрения прекрасного или безобразного, эстетического идеала. Как видно, над нормами надстраивается иерархия закрепляющих их форм. В то же время не все нормы имеют указанное многоуровневое закрепление и поэтому при конкретном анализе их необходимо, во-первых, выяснить место, роль и интенсивность применяемых санкций каждого уровня закрепления; во-вторых, выяснить, в каких именно формах закрепляются нормы; в-третьих, необходимо учитывать,

¹¹ См. Основы теории государства и права. Под ред. Н. Г. Александрова, М., 1963, стр. 414—416; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия, М., 1970, стр. 351—354.

¹² Правда, не все важные нормы, функционирующие в обществе, в частности позитивные, могут быть кодифицированы в праве. Подробнее об этом см. И. А. Вавилова, О взаимоотношении правового и нравственного регулирования общественных отношений, «Философские науки», 1966, № 6.

что не во все времена существовали те формы закрепления, которые имеются сейчас, напр., правовая форма закрепления норм (необходимо отметить, что в праве как социальном явлении социальные нормы получают двухкратное закрепление: во-первых, в правовом сознании как форме общественного сознания и, во-вторых, в качестве санкционированной государством системы норм) появляется вместе с государством, а религиозная форма при социализме постепенно теряет свое значение и т. д. Словом, функционирующие на различных этапах развития общества нормы, а также формы их закрепления необходимо рассматривать конкретно-исторически, в тесной связи с существом и главными чертами общественно-экономической формации. Существовавший экономический базис, определяемый развитостью производительных сил, в конечном счете определяет специфику надстройки, частью которой являются и социальные нормы, закрепляемые в соответствующих формах и поддерживаемые различными организационными механизмами.

В то же время необходимо указать, что связь норм с экономическим базисом не является прямой, однозначной. Так, было бы необоснованным предположить, что сразу же после смены общественно-экономической формации, в частности с возникновением первой фазы коммунистической формации, исчезают и формы негативного отклоняющегося поведения, присущие старой формации. Против такой торопливости предупреждал В. И. Ленин: «Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи... Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно».¹³ Исследование норм, форм их закрепления, форм отклоняющегося поведения поэтому должно носить конкретный характер.

Учет структуры нормы в связи с взаимоотношениями ее элементов, полноты их выраженности в различных формах закрепления позволяет выяснить условия действия нормы, а также специфику ориентаций индивида на санкции, их роль в детерминировании поведения. Однако при этом, за исключением кодифицированных в праве норм, остается открытым вопрос о субъекте и объекте действия нормы. Так, в любой вербализованной норме, имеющей логическую форму «(не) делай — X», можно выделить лишь общую направленность. Субъект действия «кто» и объект «по отношению к кому, чему» здесь сняты. В их снятости, имперсональности проявляется одна из существенных черт нормативного регулирования поведением: нормы могут выполнять свою регулятивную функцию, будучи безличными, они действительны от имени всех по отношению ко всем в рамках групп и ролевых отношений. В этой связи представляет интерес выявление субъекта и объекта нормы. Субъект нормы — это лицо, могущее выполнить или не выполнить общественно выработанное требование по отношению к объекту.¹⁴ При этом в случае большинства норм субъект и объект совпадают. Это происходит, когда нормы обращены к самому субъекту, т. е. данное конкретное лицо является одновременно субъектом и объектом таких, например, норм, как «будь самоуважительным», «будь опрятным» и т. д.; а также, когда субъект и объект нормы находятся в обратной связи: другие лица являются объектом действия данной нормы, а само это лицо — объектом этой же нормы для всех остальных. Таковы общечеловеческие, групповые, классовые нормы, когда масштаб действия нормы замыкается на сами социальные общности. В обществе имеется большая группа так наз. ролевых норм, в случае которых субъект и объект не совпадают. При этом можно выделить три типа связей в нормативном регулировании ролевых отношений. Во-первых, например, человек, выполняя роль учителя, должен следовать в своих действиях определенным нормам по отношению к ученикам, а ученики — по отношению к учителю. Здесь ролевые нормы конкретизируются в «право требовать» со стороны субъекта-учителя в

¹³ В. И. Ленин, Доклад на II Всероссийском съезде профсоюзов. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 449.

¹⁴ Как видно, в качестве субъекта нормы здесь рассматривается отдельный индивид, действующий согласно или против нормативных требований. В то же время нельзя забывать, что творцом, субъектом-творцом норм является общество, институт, класс, группа, но не отдельный индивид.

«обязанность выполнять» требование со стороны объекта-учеников (норма «не списывайте»). Это пример ролевого отношения, при котором право и обязанность взаимно дополняют друг друга и согласованы между собой. Субъект и объект действия норм в данном случае необратимы: учитель и ученики не могут поменяться местами в этой системе ролевых норм. Во-вторых, имеется группа ролей, где субъект нормы в одной роли может стать объектом этой же нормы в другой роли: это обратимые роли. Например, во время простого товарного производства в ролевом комплексе продавец-покупатель индивид в зависимости от ситуации может находиться то в первой, то во второй роли: продавец становится покупателем, покупатель — продавцом. И, наконец, случай с несогласованными, противоречивыми до антагонизма ролевыми отношениями (классовыми) и соответственно регулируемыми эти отношения нормами. Ролевые требования индивида — рабочего по отношению к капиталисту, обусловленные его объективным положением в системе общественного производства, не выступают для капиталиста правом и последний не имеет обязательств по отношению к праву рабочего. Права и обязанности в данном случае взаимно исключают друг друга.

Далее, ролевые нормы в зависимости от ситуации могут противоречить как общечеловеческим, так и групповым нормам. Так, на войне роль солдата предписывает ему уничтожение врага, роль палача — экзекуцию осужденного. Более того, совершать те или иные действия можно только будучи носителем соответствующей роли — экзекуцию может производить только палач и никто иной. Специфика ролевых норм состоит в том, что их выполнение обязательно только в рамках ролевых отношений.

Выше указано, что для большой группы норм субъект действия нормы и объект совпадают, однако это положение требует конкретизации. В этих целях можно использовать понятие масштаба нормы¹⁵ — круг тех лиц, которые являются ее субъектами и объектами. Для примера возьмем общечеловеческую норму «не убей». Исторически она возникает уже в первобытном обществе, но обязательна только для членов данного коллектива. «Все, что было вне племени — писал Ф. Энгельс, — было вне закона».¹⁶ Люди за границами племени, собственно говоря, и не считались людьми, их можно было убивать, они — объект каннибализма, но не объект данной нормы. В библейской Нагорной проповеди эта норма расширяется уже на все древнееврейские племена, но не распространяется на остальные («И истребишь все народы...», Второзаконие, гл. 7, ст. 16). В христианской идеологии эта норма, как и многие другие, сакрализируется и объявляется паннациональной, панрасовой, т. е. всеобщей. Но тем самым эти нормы стали абстрактными требованиями, нарушаемыми каждый раз, когда идеологические, политические и экономические причины этого требовали. В современных обществах эта норма кодифицирована в праве всех государств и по существу ее объект — все население Земли.

Специфическое место в конкретизации объекта нормы «не убей» занимает вегетарианство; для его представителей объектом этой нормы являются все существа, имеющие кровеносную систему, т. е. объект нормы шире масштаба субъекта.

Подобный процесс исторического обобщения (генерализации) масштаба действия происходит и с другими общечеловеческими нормами. Но нельзя представлять, что

¹⁵ Понятие «масштаба нормы» применяется обычно в смысле меры действия или действия в меру. «Мера» и «масштаб» нормы в этом случае рассматриваются как синонимы. При этом считается, что мера имеет не только качественную характеристику, но и количественную — степень, интенсивность и т. д., т. е. выражает взаимоотношения количества и качества; см. напр. В. Момов, *Нравственная норма и нейната реализация*. София, 1969, стр. 129. Для корректного и более точного применения этих понятий их следует дифференцировать. Мера нормы отражает количественно-качественную характеристику, вырабатываемую в обществе в процессе взаимодействия людей. Масштаб нормы — это распространенность, обязательность ее (и ее меры) по отношению к определенному кругу лиц в их взаимоотношениях. Различая масштаб и меру нормы, выявляем интересное обстоятельство: все нормы имеют масштаб, но не все имеют меру. Невозможно убивать в меру! Это понимал уже Аристотель (См. *Антология мировой философии*, М. 1969, т. I, часть I, стр. 462).

¹⁶ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 99.

генерализация масштаба нормы представляет собой прямой, непротиворечивый процесс. В действительности этот процесс противоречив: в зависимости от конкретной ситуации масштаб нормы может и сужаться (редуцироваться). Так, во время войны многие нормы не распространяются на враждующие стороны, в шайке воров норма «не воруй» редуцируется до членов шайки, но не распространяется на остальных. Когда же исчезает социальная основа, которая детерминировала появление той или иной нормы, исчезает и сама норма, вместе с чем теряет значение и ее масштаб.

В целом процесс генерализации масштаба норм (если иметь в виду общечеловеческие нормы) исторически шел вслед за развитием разделения труда, обменом продуктами между обществами, углублением взаимной зависимости первоначально изолированных общностей друг от друга. При этом, как было показано, масштаб объекта нормы может быть шире субъекта. И еще, количество индивидов, могущих быть субъектами и объектами даже обратимых норм, не совпадает с количеством индивидов в данных общностях. От умалишенных, престарелых, детей и т. д. невозможно требовать выполнения всех норм.

Итак, субъектно-объектная структура нормы позволяет, во-первых, определить масштаб субъекта и объекта нормы, их соотношение и историческое движение, во-вторых, дифференцировать нормы одной группы от норм других групп, а также нормы подгрупп от общечеловеческих, в-третьих, вычленив ролевые нормы из всей совокупности норм.

В области конкретных социальных и социально-психологических исследований разработан ряд иных способов структурирования норм. Одну из первых попыток в этой области предпринял американский социальный психолог Дж. Джэксон.¹⁷ Он рассматривает норму как имеющую два структурных компонента — поведенческий и оценочный, на основе которых строится шкала, позволяющая найти такие социально-психологические характеристики индивидуальных ориентаций на норму, как масштаб одобряемого или осуждаемого поведения, интенсивность нормы, степень ее кристаллизации, т. е. четкость выражения норм в индивидуальном сознании и т. д.

Финский социолог Э. Олкинур¹⁸ считает, что личностная (неформальная) норма имеет три структурных компонента: аффективный (степень интернализации нормы личностью), познавательный (инструментальность нормы — знание субъектом, в какой степени данная норма способствует достижению цели), и, наконец, поведенческий (соответствие или несоответствие поведения норме).¹⁹ Модель нормативного поведения при этом складывается, во-первых, из первичных и вторичных потребностей, направляющих поведение; во-вторых, из ситуационных факторов, способствующих или противодействующих нормативному поведению; в-третьих, из механизма внешнего социального контроля, т. е. внешних санкций; наконец, в нее входит компонент, включающий аффективный и познавательный аспекты. Аффективный контроль — это внутренние санкции, а познавательный — знание и уверенность в действительности нормы.

Выявление, оценка и сравнение структурных элементов нормативного поведения позволяют выделить превалирующие компоненты, их соотношение и т. д., на основе которых можно строить типологии личностей, а также типологии целых общностей. Например, превалирование аффективного компонента — признак сильной интернализации норм и низкого уровня познавательного компонента личности. В данном случае поведение человека конформно, но он не может рационально объяснить, почему он ведет себя именно так. Превалирование познавательного элемента есть признак того, что норма не глубоко интернализирована. Такой человек может легко переходить из одной группы в другие, избегая нормативный конфликт. В целом личностная структура сбалансирована, когда человек сознательно следует требованиям норм и они достаточно глубоко интернализированы.

¹⁷ J. Jackson, *Structural Characteristics of Norms*. В кн.: *Current Studies in Social Psychology*. N.Y., 1965, стр. 301—309.

¹⁸ E. Oлкинур, *Socialization, structure of personal norms, and norm alienation*. "Acta sociologica" (Copenhagen), 1972, vol. 15, No. 3.

¹⁹ Там же, стр. 229.

Необходимо отметить, что последние две концепции структурирования основаны на абстрагировании от характеристик собственно нормативного поведения. Поэтому в строгом смысле такие структуры — что уже структуры не нормы, а нормативного поведения. Следует указать, что структурный анализ нормативного поведения вообще находится в наше время еще в зачаточном состоянии, поэтому трудно определить эвристическую ценность приведенных концепций. Решающее слово при этом принадлежит эмпирическим исследованиям.

Структурные особенности компонентов норм и их взаимоотношение определяют функции норм, специфику их реализации. Правда, как и в случае структуры нормы, эти функции не подвергнуты сколько-нибудь систематическому анализу. Так, на основе проведенного американским социологом Ф. Мерриллом анализа нормы можно выделить следующие ее функции: детерминация социального поведения, инструмент контроля, социальная ориентация, средство унификации поведения, предсказание форм поведения, социализация, включение индивида в общество.²⁰ Другой американский социолог А. К. Коэн выдвигает только три функции норм — регулирование социальным взаимодействием, образец поведения и определение границ поведения.²¹ И, наконец, на примере политической деятельности А. Корнберг устанавливает такие функции норм, как способствование и облегчение законодательной деятельности, канализация и смягчение конфликтов и защита политической группировки, партии от внешней критики.²²

Безусловно, многие приведенные функции присущи нормам. Однако вследствие рассмотрения буржуазной социологией норм как «единственных независимых переменных» в «системе социального действия»²³ место и роль норм в обществе необоснованно абсолютизируются, иначе говоря — главным детерминантом социальной жизни, функционирования общественных механизмов объявляются нормы. Поэтому неудивительно, что предмет социологии как науки по существу сводится к изучению норм.²⁴ Однако из такого рассмотрения предмета социологии следует то важное обстоятельство, что буржуазные социологи неизбежно приходят к идеалистическому объяснению общества и социальной жизни вообще.

В советской социологической литературе функции норм изучены, к сожалению, недостаточно. Э. В. Соколов выделяет пять функций: исключение случайностей и субъективизма, обеспечение надежности, стандартности, предсказуемости форм поведения и общепонятность поведения.²⁵ Согласно С. К. Мурзалину, нормы выполняют две функции — критерия оценки поведения и средства контроля.²⁶ Е. М. Пеньков не выделяет функций норм, но пишет о том, что они способствуют ориентации индивида, контролю со стороны общества за поведением его членов и регулируют социальные отношения.²⁷

Известно, что в социальной норме зафиксировано типическое социально значимое действие, а также отношение к нему, — действие, которое препятствует или способствует достижению целей общества, групп. Для того чтобы норма выполняла свои функции, должны быть выполнены следующие условия: во-первых, норма должна быть зафиксирована в общественном сознании, во-вторых, она должна быть усвоена

²⁰ F. E. Merrill, *Society and Culture*. Englewood Cliffs, 1962. стр. 91—95.

²¹ A. K. Cohen, *Deviance and Control*. Englewood Cliffs, 1966, стр. 3—4.

²² A. Kornberg, *Rules of the Game in the Canadian House of Commons*. В кн.: «Micropolitics», ed. by J. H. Kessel, R. G. Sedding. N.Y., 1970, стр. 248.

²³ T. Parsons, *The Structure of Social Action*. The Free Press, N.Y. Collier — Macmillan Limited, London, 1968, Vol. 1, стр. 44—45.

²⁴ См. Американская социология. М., 1972, стр. 365.

²⁵ Э. В. Соколов, *Культура и личность*. Л., 1972, стр. 136. Однако, навряд ли можно согласиться с ук. автором относительно того, что большое количество норм в обществе, в его различных сферах являются «не вызванным необходимостью» (стр. 141). Иначе говоря, здесь утверждается, что многие нормы не выполняют тех функций, о которых идет речь. «Избыточность норм» существует, но она не беспричинна и поэтому вопрос должен сводиться к тому, чтобы выяснить социальную необходимость такой «избыточности».

²⁶ С. К. Мурзалин, стр. 171.

²⁷ Е. М. Пеньков, *Социальные нормы — регуляторы поведения личности*. М., 1972, стр. 52.

индивидуальным сознанием (интернализována) и, в-третьих, санкционирована, ибо без санкции норма не действительна. А из этого следует, что генетически первая функция норм — их проявление в качестве средства социализации, ибо общество, чтобы существовать, должно постоянно воспроизводить социально полноценных членов. Процесс этот называется социализацией. В ходе его, во-первых, подрастающее поколение усваивает культуру, накопленный социальный опыт, в котором значительное место занимают нормы; во-вторых, процесс социализации продолжается и после достижения индивидами зрелости, так как общество постоянно развивается, вследствие чего меняются нормы и ценности. Когда нормы интернализována, т. е. стали «частью личности», а точнее — приобретают личностный смысл, они могут выполнять функции мотива поведения и основы для оценки как собственного, так и чужого поведения. Будучи интернализрованными или просто известными индивиду (в последнем случае личностные установки могут и не совпадать с нормативными установками), нормы выполняют функцию ориентации в социальной ситуации; на их основе строятся личные планы и программы поведения. Норма, являясь в содержательном отношении требованием однотипного, повторяющегося поведения в данной ситуации, способствует унификации поведения (исключение случайного в поведении). Относительная стандартизированность нормативного поведения, производная от внутренних (моральных) и внешних (общественное мнение, государственная сила) санкций, а также его интернализированность способствуют канализации конфликтов между людьми. В настоящее время, это, в частности, относится к правовым нормам, знание которых, с одной стороны, и сознательная установка на которые, с другой, составляют содержание того, что Е. А. Лукашева называет правовой культурой людей.²⁸ На основе вышесказанного становится ясным, что одна из важнейших функций норм — это согласование интересов людей с точки зрения интересов общества как целого. Вторая важнейшая функция норм, особенно при социализме, состоит в их роли средства «социального конструирования». Но следует отметить, что сознательное нормотворчество предполагает всесторонний анализ условий функционирования норм, их взаимодействие с другими социальными явлениями и т. д., словом, предполагает научную обоснованность. И это потому, что необоснованно созданные нормы сами могут стать причиной противоречий и различных социальных дисфункций.

На функции норм как средстве социального контроля необходимо остановиться подробнее. Социальный контроль состоит из внутреннего и внешнего. Норма, будучи интернализována, служит средством внутреннего контроля личности. Однако не все нормы, существующие в обществе, интернализována в одинаковой степени, а главное — интересы личности могут приходиться и приходят в противоречие с групповыми, классовыми и т. п. Тем самым деятельность, направленная на удовлетворение личных интересов, может приходиться и приходит в противоречие с социально санкционированными способами удовлетворения потребностей, с регулируемыми социальными отношениями нормами. Результат этого — отклоняющееся поведение, которое принимает форму позитивного или негативного. При первом типе отклонения деятельность индивида направлена на ломку устаревших норм и замену их новыми, способствующими развитию и функционированию социальных отношений. При негативном отклонении действия индивида деструктивны для функционирования социальной системы.²⁹ Словом, появляется необходимость во внешнем социальном контроле.

Для выявления специфики, границ и возможностей внешнего социального контроля целесообразно расчленить поведение на следующие уровни. Первый — уровень практического поведения — полностью поддается внешнему контролю с точки зрения принятых норм. Второй — это уровень речевого (вербального) поведения, на котором человек усваивает социальный опыт, вступает в коммуникацию и, что важно в нашем случае, планирует и организует практическое поведение. С одной стороны, вербальное пове-

²⁸ См. Е. А. Лукашева, О воспитании правосознания и правовой культуры в период развитого строительства коммунизма. «Советское государство и право», 1962, № 7, стр. 41.

²⁹ См. Я. И. Гилинский, Отклоняющееся поведение-объект правового воздействия. Человек и общество. Ученые записки. ЛГУ, вып. XII, 1973, стр. 311.

дение выступает по отношению к практическому как возможность, но именно его проявление в качестве возможности определяет специфику контроля за ним. Во-первых, как возможность, могущая быть реализованной практически, вербальное поведение предполагает контроль, выступающий в качестве регулятивного предубеждающего фактора в случае негативного отклонения. Во-вторых, возможность эта может и не реализоваться, не всегда реализуется и поэтому контроль за вербальным поведением не так строг, как в случае практического поведения. Об этом говорит и то, что большинство норм относится к практическому поведению, регулирует поведение на этом уровне.

С другой стороны, вербальное поведение в процессе общения имеет и самостоятельное значение, безотносительное к практическому поведению. Содержание высказываний при этом рассматривается в его самостоятельном значении как по отношению к личности, так и по отношению к социальным институтам, социальному строю. Вербальное унижение достоинства и чести личности наказывается, иногда весьма строго. Вопросы, связанные со спецификой контроля, на практическом и вербальном уровнях, а также, касающиеся взаимоотношения этих уровней, представляют несомненный интерес и требуют самостоятельного исследования; здесь же можно констатировать, что речевое поведение также подчинено внешнему социальному контролю, так как осуществляется в объективированной форме (речь, письмо).

Третий уровень — мыслительное (ментальное) поведение. На этом уровне планируется и проектируется не только практическое, но и вербальное поведение, однако с той особенностью, что ментальное поведение не может быть объектом непосредственного внешнего контроля. О мыслях людей можно судить косвенным образом; в данном случае главным основанием для контроля служат «действия этих личностей».³⁰ О содержании мыслительного поведения можно судить также по содержанию вербального поведения.

Социальной психологией установлено, что глубоко усвоенные нормы не могут быть нарушены даже в мыслях, хотя непосредственно это никто не наблюдал. Простая мысль о нарушении таких норм может заставить человека покраснеть, у него появляется стыд за себя и т. д. Тем не менее на этом уровне нормы могут быть чаще всего нарушены; в то же время совершенное мысленно не всегда может быть выражено вербально и, более того, осуществлено практически. В этом проявляется действие социального контроля.

Таким образом, нормативному контролю подвергается и практическое и вербальное поведение. Мыслительное поведение, будучи наименее зависимым от непосредственного внешнего контроля, тем не менее подчиняется опосредованному социальному контролю, оно регулируется не только логическими правилами, но и нормами, если они глубоко интернализированы, а объектами мыслительной деятельности служат социально значимые действия.³¹

В итоге можно сказать, что нормы, выполняя функции социализации, мотивации, оценки, унификации поведения, канализации конфликта, ориентации, средства согласования интересов, средства «социального конструирования» и средства социального контроля, вместе с тем регулируют и социальные отношения. В заключение необ-

³⁰ В. И. Ленин, Экономическое содержание народничества. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

³¹ Известный этнограф Б. Малиновский, исследуя отсталые культуры, обнаружил следующий поразивший его факт. Когда в разговоре он сказал вождю племени, что его сыновья похожи на него, то это было воспринято с большим удовлетворением. Потом, когда он сказал, что и сыновья похожи друг на друга, то это было воспринято с большим возмущением. Кроме того, туземцам не было понятно, как такое сходство можно вообще видеть и, более того, так думать. Позже выяснилось, что существовал табу, запрещающий находить такое сходство. Дело, конечно, здесь не в том, что туземцы эти не могли объективно воспринять сходство сыновей и иметь его в качестве объекта мыслительной деятельности, а в том, что данный аспект действительности как бы выпадал, исключался из поля восприятия; на него нельзя было обращать внимание, поэтому и не обращали. (См. В. Malinowski, *The father in primitive psychology*. N.Y., 1927, стр. 87—92. Приведено по: M. Sherif, *The Psychology of Social Norms*. Harper & Brothers Publishers. N.Y., London, 1936, стр. 10).

ходимо отметить, что исследование структуры и функции норм не является самоцелью. Здесь была предпринята попытка разработать некоторые элементы концептуального аппарата, которые могут быть использованы для вычленения и анализа структурных компонентов норм, а также для анализа механизма осуществления их функций. Исследования в области нормативного поведения как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне имеют большое значение, в частности, для решения вопросов, связанных с ликвидацией негативного отклоняющегося поведения. На их основе могут быть выработаны рекомендации для улучшения практического управления и регулирования поведением людей и общественными отношениями социалистического общества в целом.

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
19/XI 1973

L. KAHRIK

SOTSIAALSE NORMI STRUKTUURIST JA FUNKTSIOONIDEST

Resümee

Peale normi struktuuri, mis on välja töötatud õigusteaduses, vaadeldakse artiklis veel normi subjekt-objektstruktuuri. Harilikult väljendub normis ainult nõue toiminguks või sellest loobumiseks («[ära] tee — X»). Subjekt «kes» ja objekt «kelle suhtes» seejuures normis ei väljendu. Subjekti ja objekti, samuti nende mastaapide ja suhete väljaselgitamine annab aluse eristada antud grupi norme teiste gruppide normidest, üldnimlikke norme grupinormidest, samuti rollinorme mainituist.

Näidatakse, et suur hulk norme on kinnistatud ühiskondlikus teadvuses mitmekordselt — nii kunstis, moraalis ja religioonis kui ka õigusteadvuses. Normi struktuure eristatakse sotsiaalse käitumise normatiivsetest struktuuridest. Vaadeldakse normi sotsialiseerimise, motiivi, hinnangu, sotsiaalsete suhete ühifitseerimise, konflikti kanaliseerimise, sotsiaalse orientatsiooni, sotsiaalsete huvide kooskõlastamise, sotsiaalse «konstrueerimise» ja sotsiaalse kontrolli funktsioone. Seoses viimase funktsiooniga väidab autor, et käitumises kui tervikus võib peale faktilise (praktilise) käitumise eristada veel verbaalset ja mentaalset käitumist. Praktilise käitumise suhtes on normide sotsiaalse kontrolli funktsioon üldtunnustatud. Autor näitab, et ka verbaalse ja mentaalse käitumise puhul on normid sotsiaalse kontrolli vahendiks.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut*

Toimetusse saabunud
19. XI 1973

L. KAHRIK

STRUCTURE AND FUNCTIONS OF SOCIAL NORMS

Summary

Besides the norm structure which is elaborated in jurisprudence, the author of this article also considers the subject-object structure of norms. Usually the norm is formulated in such a way that it expresses only the requirement for action or abstention from action (do [don't do] — X). The subject "who" and the object "in relation to whom" are not expressed in the norm. But the elucidation of the subject and object of the norm, their scale and the interrelation of these scales give the possibility of differentiating the norms of one group from the norms of another one, the generally accepted norms from group norms, and the role norms from the previously mentioned ones.

It is shown that the major part of norms are multidimensionally sanctioned in social consciousness: by morality, religion, art and by law. The norm structures and the structures of the normative behaviour are regarded as different kinds of structures. The following functions of norms are dealt with: norms as means of socialization, motivation, evaluation of behaviour acts, as means for the unification of social relations, settlement of conflicts, social orientation, coordination of social interests, social "construction" and social control. With regard to the last-mentioned function, the author proves that the behaviour as a complex phenomenon includes three aspects — the practical, verbal and mental ones. In regard to the practical behaviour controlling function of norms is largely accepted. The author shows that the verbal and mental behaviour is likewise controlled by social norms.

*Academy of Sciences of the Estonian SSR,
Institute of History*

Received
Nov. 19, 1973